

Простые люди временно обустроились. Спустя два-три дня отдыха их организовали и отправили на строительство внешнего города Яньчжоу, а также на укрепление городских стен. Задумка укрепить стены существовала давно, однако в Яньчжоу катастрофически не хватало людей, поэтому дело постоянно откладывали. Теперь же, приняв столько беженцев, среди которых оказалось немало крепких молодых мужчин, представилась отличная возможность организовать работу в обмен на продовольственную помощь: казна выделяла деньги и зерно, а народ предоставлял рабочие руки.

Поскольку внешний город в будущем должен был стать их собственным домом, люди трудились с огромным воодушевлением, не только ради жалования и еды. Чем скорее завершится стройка, тем раньше они обретут надежный кров. Все работали не покладая рук, и если кто-то пытался отлынивать, то его даже без вмешательства надсмотрщиков подгоняли сами товарищи.

Строительство внешнего города постепенно вошло в привычное русло. Тем временем Чан Цзайчан из Лянчжоу прислал известие: добыта первая партия необработанных камней жадеита, и пора готовить людей для отправки на юг.

Чтобы наладить сбыт первой партии жадеита на юге, требовалось найти правильного человека, что стало непростой задачей. Посланник должен был отличаться преданностью, умением держать язык за зубами, а также гибким умом, способным пробить дорогу на южных рынках. У Сяо Чжигэ хватало способных людей, однако большинство из них умели лишь воевать, а в торговле разбирались единицы. Единственный, кто мог бы подойти, — Се Лин, — занимал официальную должность, и его постоянные поездки на юг и север привлекали бы слишком много лишнего внимания.

В последнее время Сяо Чжигэ привык обсуждать дела Яньчжоу с Ань Чанцином, поэтому поделился с ним и этой дилеммой. Ань Чанцин ненадолго задумался и с некоторой неохотой произнес:

— На самом деле есть одна подходящая кандидатура.

— Кто? — Сяо Чжигэ приподнял бровь, не ожидая, что у того действительно найдется решение.

— Чжоу Хэлань, — сказал Ань Чанцин.

Чжоу Хэлань приехал в Яньчжоу вместе с ним. Однако у Ань Чанцина в Яньчжоу не было своего бизнеса, так что Чжоу Хэлань, оставаясь без дела, молча ведал всеми бытовыми заботами в поместье генерала. Ань Чанцину всегда казалось, что держать его при себе — значит разминивать такой талант по пустякам, поэтому по прибытии в Яньчжоу он спрашивал его, не хочет ли тот поступить на государственную службу или пойти в армию. В конце концов, в прошлой жизни Юйцзэ-ван почитал Чжоу Хэланя как советника-госмейстера. Чем попусту тратить время в поместье генерала в роли управляющего, лучше бы стать советником Сяо Чжигэ. С его способностями и заступничеством Ань Чанцина заслуживать доверие и получить высокую должность у Сяо Чжигэ не составило бы труда.

Однако Чжоу Хэлань тогда отказался.

За эти несколько месяцев Чжоу Хэлань заметно повзрослел. Хотя он был младше Ань Чанцина, из-за высокого роста и сдержанного выражения лица выглядел даже старше него. Его осанка оставалась такой же прямой, словно стройный зеленый бамбук, и хоть он по-прежнему отличался молчаливостью, в его взгляде читалось умиротворение — совсем не похожее на тот холодный образ, который Ань Чанцин запомнил из прошлой жизни.

Он не хотел уходить, и Ань Чанцин, хоть и сожалел, не стал на него давить. Прошлая жизнь и нынешняя все же различались. Сам Ань Чанцин избрал иной путь, и Чжоу Хэлань, хоть и не возродился вновь, тоже имел право на собственный выбор.

К тому же Ань Чанцин твердо верил, что с характером и способностями Чжоу Хэланя тот не останется в тени навсегда.

И вот подходящий случай представился сам собой.

Сяо Чжигэ, выслушав Ань Чанцина, и впрямь всерьез задумался. Чжоу Хэлань был еще молод, но отличался рассудительностью и надежностью; за эти дни он безупречно наладил все дела в поместье генерала. К тому же ранее в Ецзине он успешно управлял лавками Ань Чанцина. А главное — он был абсолютно предан Ань Чанцину.

Поразмыслив еще немного, Сяо Чжигэ утвердил выбор:

— Значит, решено. Отправим его.

Ань Чанцин позвал Чжоу Хэланя, и втроем они провели секретное совещание в кабинете. На этот раз Чжоу Хэлань действительно не стал отказываться. Помимо руководителя, требовалось набрать отряд помощников. Поскольку с отъездом не спешили, Сяо Чжигэ поручил Чжоу Хэланю самому подыскать нужных людей.

Когда все приготовления завершились, наступило начало седьмого месяца. Чжоу Хэлань во главе отобранной им команды попрощался с Сяо Чжигэ и Ань Чанцином и, взяв верительные грамоты, отправился в Лянчжоу.

Проводив Чжоу Хэланя, Ань Чанцин потянул Сяо Чжигэ прогуляться по полям за городом. Посаженный ранее батат рос невероятно пышно. В седьмом месяце стояла жаркая, солнечная погода, и пышные зеленеющие плети батата радовали глаз. За полями проглядывал уже наполовину построенный внешний город Яньчжоу, и с лица Ань Чанцина не сходила счастливая улыбка.

Они вернулись в поместье к полудню. Хотя утром перед выходом Ань Чанцин съел целых две пиалы риса, едва переступив порог дома, он снова почувствовал сильный голод.

Попросив Ань Фу принести сладости в беседку, Ань Чанцин прилег на плетеный шезлонг, читая книгу и лакомясь угощениями. Сяо Чжигэ, у которого во второй половине дня не было срочных дел, коротал время вместе с ним. Однако, наблюдая за тем, как Ань Чанцин за один присест уплел две тарелки сладостей и при этом выглядел так, словно не прочь съесть еще, князь медленно нахмурился:

— Ешь поменьше, а не то перегрузишь желудок.

Ань Чанцин, казалось, и сам не замечал, сколько съел, и пробормотал:

— Да я почти ничего и не съел, мне кажется, я все еще немного голоден.

Сяо Чжигэ, проводивший с ним каждый день, прекрасно знал его прежний аппетит, а потому его хмурый взгляд не смягчился:

— Разве ты не заметил, что в последнее время стал есть куда больше обычного? Да и спать стал гораздо дольше.

Ань Чанцин задумчиво сдвинул брови и неуверенно ответил:

— Кажется, и вправду стал есть немного больше, чем раньше. И бессонница из-за беспокойства меня больше не мучает.

Но разве это не к лучшему? Ань Чанцин с недоумением посмотрел на Сяо Чжигэ, не понимая, о чем тот тревожится.

Сяо Чжигэ тихо вздохнул. С тех пор как в пятом месяце Ху Шифэй проверил пульс ванфэй, врач, вернувшись к себе, перерыл множество медицинских книг, но так и не смог найти никаких зацепок. Позже они снова расспросили малыша Юй Сяо, однако мальчик был еще мал и толком ничего объяснить не мог. Он лишь упорно твердил, что в животе у ванфэй есть ребенок и он это чувствует, потому что раньше его папа тоже носил в животе ребенка.

Но когда его попытались расспросить подробнее — откуда был его папа и как именно тот мог выносить ребенка, — малыш не смог ничего отвечать.

Беременность у мужчины казалась чем-то совершенно невероятным. Позже Ху Шифэй еще несколько раз проверял пульс Ань Чанцина, и каждый раз пульс оказывался скользким, характерным для беременности. Однако прошел уже целый месяц, а живот Ань Чанцина ничуть не увеличился, из-за чего уверенности ни у кого не было.

По этой причине Сяо Чжигэ до сих пор не рассказал Ань Чанцину о красном узоре за его ухом. Все равно пока не удалось выяснить, что это такое, и разговор лишь заставил бы Ань Чанцина лишний раз переживать. Лучше рассказать обо всем, когда появится ясность.

Пока Сяо Чжигэ предавался этим размышлениям, снаружи раздался громкий оклик. Сам Ху Шифэй еще не вошел, но его голос опередил его:

— Князь! Я нашел!

Ху Шифэй принес чрезвычайно старую книгу. Неизвестно, где он ее отрыл: страницы пожелтели от времени, а обложка и вовсе отсутствовала.

Он с восторгом указал на один из отрывков и зачитал:

— «За Южным морем обитает племя цзяожэнь. Живут они у воды, и как мужчины, так и женщины обладают невероятной красотой. Те, кто отмечен красным узором, способны приносить потомство. Искусны в ткачестве шелка цзяожэнь, коий непробиваем для мечей и копий, а за один чи его платят тысячу монет».

Ослепительная красота, красный узор, способность рожать детей — все это точно соответствовало нынешнему состоянию Ань Чанцина.

Сяо Чжигэ еще раз вдумчиво перечитал эти строки:

— Племя цзяожэнь из Южного моря? Почему я никогда о таком не слышал?

Ему приходилось слышать немало древних легенд о цзяожэнях: мол, у них тело человека и рыбьей хвост, между пальцами перепонки, они уродливы, свирепы и любят пожирать людей. За тысячи лет подобная молва обрасла множеством подробностей, но он ни разу не слышал о каком-то отдельном племени цзяожэнь.

— Я тоже раньше не слышал, но один мой знакомый, возможно, знает об этом, — с глубокомысленным видом произнес Ху Шифэй. — Князь, вы помните, как я однажды нарисовал портрет ванфэй?

В свое время Ань Чанцин, чтобы вылечить тетушку Юй, пришел в лекарскую лавку Ху Шифэя. Тогда Ху Шифэй за осмотр не взял денег, а лишь попросил разрешения написать портрет Ань Чанцина. В тот момент он еще не знал, что Ань Чанцин — это ванфэй.

— Помню, — кивнул Сяо Чжигэ. Тот портрет до сих пор бережно хранился у него.

Ху Шифэй погладил свою бородку и продолжил:

— На самом деле я попросил написать портрет ванфэй потому, что один мой приятель из Юйцзэ поручил мне найти человека с картины. И тот человек был на шесть-семь десятых похож на ванфэй. Увидев тогда ванфэй и еще не зная его статуса, я намеревался закончить рисунок и отправить ему.

Кто же мог подумать, что Ань Чанцин окажется той самой Бэйчжань-ванфэй, а портрет заберет себе Сяо Чжигэ? К тому же тот приятель жил в Юйцзэ, и опрометчиво передавать чужакам изображение ванфэй Да Е могло навлечь беду. Поэтому Ху Шифэй выбросил эту мысль из головы и постарался о ней забыть.

Это дело уже давно изгладилось из его памяти, но сегодня, найдя запись в книге, он внезапно вспомнил об эскизе из письма друга. Достав его и сравнив с воспоминаниями, он с удивлением обнаружил, что на лбу человека с рисунка тоже имелся узор в виде чешуи.

<http://bllate.org/book/18381/1767812>